

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; rparma@mail.ru)
ДАВЫДОВА Мария Александровна — студентка 1-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; лаборант-исследователь Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; marchikdavydova@mail.ru)

ТРИГГЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2020–2021 гг.

Аннотация. В статье представлены результаты рассмотрения триггеров протестной мобилизации в Российской Федерации и Республике Беларусь в 2020–2021 гг. Методика прикладного исследования базируется на гибридной стратегии, сочетающей когнитивное картирование, социально-медийный анализ и ивент-анализ. В результате было выявлено, что первичная мобилизация протеста осуществляется на базе резонансного события в политической сфере. Для наращивания вовлеченной аудитории используются экономические и социальные дискурсы. Модераторы протестов применяют приемы ценностного воздействия и манипулятивные технологии, которые выполняют задачу по масштабированию и формированию установок согласия с продвигаемыми идеями.

Ключевые слова: политические протесты, триггеры, политическая мобилизация, социальные медиа, киберметрический анализ, ивент-анализ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33041 «Цифровые платформы как инструмент мобилизации протестных настроений граждан Республики Беларусь и Российской Федерации в 2020–2021 гг.»

Постановка проблемы. В условиях усиления внешнего информационного давления и действий контрэлита возрастают риски, связанные с мобилизацией протестной активности. События 2020 г. в России и Беларуси показали, что база участников массовых протестов во многом определяется теми дискурсами и контекстами, которые используются лидерами и модераторами массовых акций. В этой связи актуализируется вопрос об изучении протестов в контексте используемых мобилизационных триггеров, основных технологий, масштабирования протестной активности, а также роли триггеров в управлении массовыми акциями.

Теоретическая основа исследования. Теоретическая основа исследования представлена несколькими блоками теорий и концепций. Первый блок сконцентрирован на изучении особенностей коллективного поведения. Г. Лебон подчеркивает, что мнение толпы формируется под воздействием образов, иллюзий, слов и формул, которые преимущественно связаны с иррациональным мышлением [Лебон 2017]. Г. Тард определяет особое воздействие на толпу определенных внешних событий [Тард 2021]. Второй блок — концепция повестки дня М. Маккомбса и Д. Шоу, которые отмечают особый подход СМИ к подбору новостей, позволяющий выстраивать иерархию проблем [McCombs, Shaw 1972]. В современной действительности механизмы формирования повестки

дня используют протестные сообщества в различных сегментах социальных медиа. Третий блок – концепция подталкивания Р. Талера и К. Санстейна, которые определяют возможность влияния на поведение человека через целенаправленное воздействие [Талер, Санстейн 2017]. Четвертый блок – концепции политических протестов, которые рассматриваются как механизм воздействия на политическую систему [Jenkins, Klandermans 1995]. При этом особое внимание уделяется контекстам, которые обуславливают ход политических событий [Смелзер 1994].

Среди актуальных исследований особое внимание уделено работам, доказывающим существенное влияние социальных медиа на распространение протестной активности [Boulianne 2017]. Доступность социальных медиа, разнообразие форматов, возможность использования приемов ценностного воздействия определяют применение социальных медиа в мобилизации массовых протестов [Jost et al. 2018]. Результаты исследований указывают на то, что активность в социальных сетях коррелирует с последующей крупномасштабной децентрализованной координацией протестов, что имеет важные последствия для будущего баланса сил между активированными гражданами и их государствами [Steinert-Threlkeld et al. 2015].

Ряд российских исследователей полагают, что интернет-коммуникации являются ключевым элементом мобилизации современного протеста, во многом определяющим его временные рамки и организационные возможности [Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская 2014]. Принципиальное отличие современных протестных форм активности от иных форм политического участия отдельные исследователи видят в том, что протест способен самостоятельно «производить» политический дискурс и повестку, предлагая новый язык и альтернативные каналы коммуникации. Общество находится в активной фазе кризиса репрезентативной демократии и одновременно в процессе выработки политической субъектности «цифрового» поколения, самостоятельно создающего информационные поводы и новые виды кооперации, открытые для внешних связей [Бронников 2018]. Результаты исследования показывают формирование сетевой структуры протестной активности в цифровой среде коммуникаций, способной при изменении контекста или возникновения события радикализироваться [Пырма 2019]. Политическая мобилизация в социальных сетях происходит посредством формирования первичной аудитории протеста, использования триггеров социального недовольства властью и задействования механизмов эмоциональной реакции граждан на события [Давыдова 2021].

Методология и методика исследования. Методология исследования построена на таких подходах, как:

- сетевой подход, который позволяет рассматривать взаимодействие граждан в социальных медиа [Ховард 2010];
- методология интеллектуального анализа цифровых маркеров массового протеста, позволяющая анализировать мобилирующие функции онлайн-сетевой коммуникации протестного содержания и выявлять специфику управления сетевыми структурами протестных сообществ в социальных медиа [Бродовская и др. 2017].

Исследование реализовано в соответствии с гибридной стратегией прикладного исследования и включило в себя когнитивное картирование, киберметрический анализ и ивент-анализ. Когнитивное картирование было реализовано для решения задач, связанных с анализом содержания цифровых потоков. В рамках когнитивного картирования был проанализирован цифровой контент в социальных медиа ВКонтакте, *Instagram*, *Telegram* (датасет составил 600 публикаций). В ходе когнитивного картирования были составлены словари

поисковых запросов для следующего этапа исследования – киберметрического анализа. Киберметрический анализ позволил определить динамические и структурные характеристики цифровых потоков о протестах. Киберметрия была реализована посредством инструмента социально-медийной аналитики *IQBuzz* (датасет составил 780 тыс. сообщений). Ивент-анализ позволил определить события-триггеры, используемые для мобилизации массовых протестов в социальных медиа.

Результаты исследования. В 2020 г. фактически параллельно в России и Беларуси развернулись политические протесты. В июле 2020 г. в Хабаровском крае начались пролонгированные акции, связанные с делом С. Фургала. В августе 2020 г. длительные массовые акции протеста охватили Республику Беларусь, причиной первичной мобилизации которых стали президентские выборы (см. рис. 1). Объем протестных информационных потоков вокруг событий в Беларуси – 400 тыс. сообщений. Общий объем информационных потоков вокруг массовых акций в Хабаровском крае составил около 100 тыс. сообщений.

Различия в масштабе информационных потоков в России и Беларуси во многом обуславливаются резонансностью и актуальностью протестов в контексте стран: протесты в Хабаровске имели региональный характер и были нацелены на работу с аудиторией Хабаровского края и близлежащих регионов, для которых актуальна проблема отношений «центр – регионы». В свою очередь, протесты в Беларуси имели общенациональный масштаб в силу специфики выборов, а также привлекали внимание ряда референтных групп, в т.ч. оппозиционно и протестно настроенных россиян.

Мобилизация массовых протестов в Хабаровском крае происходила после ареста губернатора С. Фургала и вынесения судом постановления о его заключении под стражу. Данные события становятся первичным триггером протестной мобилизации, которые обеспечивают массовый выход жителей Хабаровска на акции в поддержку С. Фургала. Развитие дела Фургала становится основой для системных массовых акций протестов, которые на протяжении июля проходят регулярно, фактически ежедневно. В августе продолжают, но проходят реже и становятся акциями выходного дня. Окончательное прекращение массовых акций происходит в конце октября 2020 г. – начале января 2021 г.

Как демонстрируют результаты социально-медийного анализа, несмотря на масштабную офлайн-активность жителей Хабаровского края после первых массовых акций, инициированных арестом С. Фургала, меры, принятые региональными властями и правоохранительными органами, противодействовали масштабированию протестов, что становится причиной снижения активности информационных потоков. Участники и модераторы протестов предпринимали попытки расширения массовых акций на основании организации столкновений с органами правопорядка, мобилизации недовольства на основании назначения исполняющим обязанности губернатора М. Дегтярева, а также попытки «раскачивания» ситуации в других регионах.

Протесты в Хабаровском крае носили преимущественно стихийный характер. Протесты не имели конкретного лидера или модератора. Однако происшедшие протестные действия вызвали пристальный интерес радикальной оппозиции, заинтересованной в «разжигании конфликта». Конкретные инструкции по протестным действиям стали распространяться в региональных сообществах социальных медиа. Кроме организационной функции, социальные медиа выполняли также задачу информирования жителей других регионов о происходящем в Хабаровском крае с целью последующей мобилизации массовых акций протеста, используя манипулятивную технологию заражения.

Спустя месяц после старта массовых акций в Хабаровском крае произошла мобилизация протестных действий в Республике Беларусь. 9 августа 2020 г. проходили выборы президента Беларуси. Среди основных кандидатов – действующий президент А. Лукашенко и С. Тихановская. После окончания голосования, в течение которого на протяжении всего дня активно распространяются дискурсы о массовых фальсификациях, вбросах, а также недопусках к голосованию, оппозиция осуществляет мобилизацию массовых протестов, в ходе которых происходят массовые столкновения с органами правопорядка. Особым провоцирующим триггером стала гибель протестующего 11 августа, который стал «сакральной жертвой», используемой оппозицией для вовлечения большего числа белорусских граждан в протестные действия.

На следующем этапе в период с 10 по 20 августа происходят несколько знаковых событий, в т.ч. выступление А. Лукашенко на заводе БелАЗ, которое не получает поддержки со стороны сотрудников предприятия. В Минске и других городах Беларуси продолжаются массовые акции протеста, но ЦИК отказывается пересматривать итоги выборов. Ключевыми в этой череде событий становятся массовые задержания, аресты, а также условия содержания участников протестов. Подогреваемые извне, интенсивные информационные потоки строились преимущественно на технологиях делегитимации, дегуманизации и эмоциональной стереотипизации. Критике подвергались уже не только выборы, но и существующая политическая система и действия органов правопорядка.

Белорусские протесты продолжались с августа по ноябрь, а после трансформировались в пикеты, периодические немасштабные акции, а также онлайн-активность. Событийная повестка существенным образом дополняется акциями отдельных социальных групп: в конце августа проходят женские акции солидарности; в сентябре и октябре – акции пенсионеров и студентов, заявляющих о несогласии с результатами выборов и поддерживающих оппозицию. В белорусских протестах особую роль сыграли социальные медиа. Несмотря на блокировку Интернета непосредственно после выборов организация и модерация происходили за счет *Telegram*. Особую роль сыграл канал *Nexta*, который осуществлял распространение протестного контента, размещал инструкции и управлял протестами в реальном времени.

Рисунок 1. Ивент-анализ протестных информационных потоков в России и Беларуси в 2020 г.

В 2021 г. в январе в России состоялись массовые протесты в поддержку оппозиционера А. Навального, вернувшегося в Россию. Протесты прошли в ряде регионов России и сопровождались политическими, экономическими и социальными требованиями. Параллельно с этим в Беларуси предпринимались попытки оппозиции «оживить» протестную активность. Так, в январе прошли дворовые марши, в течение января–февраля – воскресные акции, а также День воли в марте 2021 г. (см. рис. 2).

Общий объем информационных потоков вокруг событий в РФ в январе и апреле 2021 г. составил 230 тыс. сообщений, в Беларуси – 50 тыс. сообщений. В России протестные события носили локальный региональный характер, при этом не отличались длительностью. В Беларуси ситуацией существенным образом отличалась: локализация протестной деятельности концентрировалась преимущественно в Минске, аудитория устала от протестов и отсутствия конкретных значимых результатов в деятельности оппозиции, а также органы правопорядка оказывали достаточно сильное противодействие протестной мобилизации.

В начале 2021 г. в России развернулись массовые акции протеста. Первичным триггером для их мобилизации стало возвращение оппозиционера А. Навального в Россию и его последующее задержание правоохранительными органами. Активисты разветвленной сети А. Навального осуществляли массовую протестную мобилизацию в социальных медиа с целью освобождения оппозиционера из-под стражи. Для привлечения внимания к событиям сторонники А. Навального выпустили фильм-расследование о коррупции во власти, дополнив протестную повестку требованиями социально-экономического характера, такими как повышение зарплат, отмена пенсионной реформы, экономические преобразования и т.д. За счет масштабирования протестных дискурсов и триггеров организаторам массовых акций удалось обеспечить политическую мобилизацию сторонников в ряде регионов страны. Наиболее массовая акция 23 января сопровождалась столкновениями протестующих с правоохранительными органами в нескольких крупных городах. Последовавшие массовые задержания стали триггером мобилизации второй акции протеста

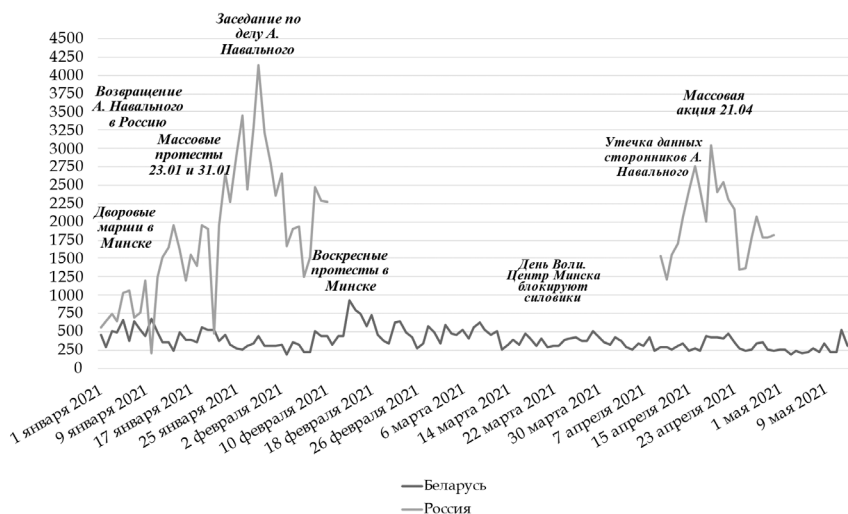

Рисунок 2. Ивент-анализ протестных информационных потоков в России и Беларуси в 2021 г.

31 января, которая оказалась менее масштабной. Продолжение протесты получают 21 апреля, когда прошла новая акция в поддержку А. Навального. За несколько дней до этого произошла утечка данных видных сторонников, подписавших петицию об освобождении оппозиционера.

В это время в Беларуси оппозиция в лице С. Тихановской предпринимала попытки «раскачать» ситуацию и вернуть массовые акции на улицы после перерыва. Оппозиция инициировала дворовые марши в Минске в начале января, затем попыталась организовать воскресные митинги. Модераторы протестных сообществ в социальных медиа активно освещали дела так называемых политзаключенных, связанные с арестом представителей оппозиции в стране, а также массовые акции в России. По замыслу белорусской оппозиции, толчком для нового витка протестов в Беларуси должен был стать День воли, запланированный на 23 марта 2021 г., но акция была пресечена органами правопорядка. Эффективные меры противодействия действующей власти предопределили прекращение протестной офлайн-активности оппозиции, действия которой были ограничены цифровым пространством.

Заключение. По результатам исследования триггеров политической мобилизации массовых протестов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, основой первичной мобилизации протестной активности становится масштабное резонансное событие, которое обеспечивает вовлечение аудитории информационными потоками в сети сторонников. Модераторы протеста формулируют необходимость противодействия сложившейся ситуации, что обеспечивает перевод онлайн-активности в офлайн.

Во-вторых, пролонгированный характер протестов во многом достигается за счет регулярного пополнения пула используемых триггеров. Постоянное изменение контекста массовых акций на основании существующих проблем позволяет обеспечивать расширение аудитории протестных действий, а также вовлекать различные социальные группы на основе актуальных дискурсов.

В-третьих, для мобилизации массовых протестов используются триггеры из различных сфер – социальной, экономической, политической. Сложившаяся практика в России и Беларуси показала, что преимущественно применяется политический триггер, т.к. он позволяет привлечь внимание к ситуации. В дальнейшем используются экономические и социальные триггеры, которые позволяют увеличить аудиторию массовых акций протеста.

В-четвертых, для вовлечения пользователей в информационные потоки протестных действий используются аффективные приемы ценностного воздействия, построенные на применении технологий манипуляции, дегуманизации и эмоциональной стереотипизации. Подобный подход позволяет обеспечивать эмоциональное согласие с тезисами, продвигаемыми модераторами протеста, а также формировать установку на необходимость участия в массовых акциях.

Список литературы

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. 2017. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. – *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 5. С. 79–104.

Бронников И.А. 2018. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма. *PolitBook*. № 1. С. 64–78.

Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. 2014. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России. – *INTER*. № 7. С. 44–74.

Давыдова М.А. 2021. Массовые политические протесты в Российской

Федерации 2020–2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 11(4). С. 162-168.

Лебон Г. 2017. *Психология народов и масс*. М.: АСТ. 384 с.

Пырма Р.В. 2019. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 9(6). С. 100-110.

Смелзер Н. 1994. *Социология*. М.: Феникс. 688 с.

Талер Р., Санстейн К. 2017. *Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье*. М.: Манн, Иванов и Фербер. 240 с.

Тард Г. 2021. *Общественное мнение и толпа*. М.: АСТ. 256 с.

Ховард Ф. 2010. *Цифровые истоки диктатуры и демократии: информационные технологии и политический ислам*. Оксфорд: Изд-во Оксфордского университета.

Boulianne S. 2017. Revolution in the Making? Social Media Effects across the Globe. — *Information, Communication & Society*. Vol. 22. Is. 1. P. 39-54.

Jenkins J.S., Klandermans B. 1995. *The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 388 p.

Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. 2018. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. — *Advances in Political Psychology*. Vol. 39. Is. 1. P. 85-118.

McCombs M.E., Shaw D.L. 1972. The Agenda-Setting Function of Mass Media. — *Public Opinion Quarterly*. Vol. 36. No. 2. С. 176-187.

Steinert-Threlkeld Z.C., Mocanu D., Vespignani A., Fowler J. 2015. Online Social Networks and Offline Protest. — *EPJ Data Science*. Vol. 4. Is. 1.

PARMA Roman Vasil'evich, *Cand.Sci. (Pol. Sci.)*, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; rvparma@mail.ru)

DAVYDOVA Maria Aleksandrovna, *1st year Master student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation; Laboratory Researcher at the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; marchikdavydova@mail.ru)*

TRIGGERS OF POLITICAL MOBILIZATION OF MASS PROTESTS IN SOCIAL MEDIA OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS IN 2020–2021

Abstract. The article presents the results of the consideration of protest mobilization triggers in the Russian Federation and the Republic of Belarus in 2020–2021. The applied research methodology is based on a hybrid strategy that combines cognitive mapping, social media analysis and event analysis. As a result, the authors reveal that the primary mobilization of protest was carried out based on a resonant event in the political sphere. To build an engaged audience, economic and social discourses were used. Protest moderators use value-influencing techniques and manipulative technologies that perform the task of scaling and forming attitudes of agreement with the ideas being promoted.

Keywords: political protests, triggers, political mobilization, social media, cybernetic analysis, event analysis
